
3 1761 04498 3914

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ

Rozanov, Vasily Vasil'evich

(В. Розановъ)

Русская Церковь

Russkaya tserkov

Духъ.—Судьба.—Очарованіе и ничтожество.—
Главный вопросъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1909

Настоящая статья была написана для сборника «I Russi su la Russia», изданномъ въ Миланѣ въ 1905 г.,—въ памятные дни, когда всѣ въ Европѣ спрашивали съ волненіемъ, чтò такое Россія и русскіе, что они обѣщаютъ или чѣмъ грозятъ. Въ слѣдующемъ году книга была переведена на нѣмецкій языкъ («Russen uber Russland») и издана во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Но когда мнѣ предложено было написать о Русской Церкви для иностраннаго сборника,—я писалъ какъ бы для русскихъ, просто чтò видѣлъ и чтò зналъ о Церкви, не думая ни мало объ иностранцахъ. Иностранцамъ надо видѣть то самое, чтò видимъ мы. Въ Россіи статья эта (написанная по-русски и переведенная на итальянскій и нѣмецкій языки не мною) появилась въ «Полярной Звѣздѣ» редакціи П. Б. Струве (3-го февраля 1906 г.),—но безъ послѣднихъ страницъ. Теперь она печатается безъ какихъ-либо измѣненій, въ русскомъ оригиналѣ.

В. Р.

С.-Петербургъ,
1909 г. августъ.

Русскіе были крещены въ 988 г. при кіевскомъ князѣ св. Владимірѣ отъ греческаго духовенства. Хотя они приняли христіанство еще до формальнаго и окончательнаго раздѣленія Церкви на Восточную и Западную,—однако, такъ какъ связи у нихъ были только съ одною Византіею, то, по скоромъ отдѣленіи Византіи отъ Западной церкви, и русскіе были уведены изъ древняго общаго христіанскаго русла въ спеціальный потокъ византійскаго церковнаго движенія. Или исторически точнѣе: русскіе вслѣдъ за Византіею вошли какъ бы въ тихій, недоступный волненіямъ и вмѣстѣ недоступный оживленію затонъ [1]), тогда какъ западно-европейскіе народы, увлеченные за кораблемъ Рима, вступили въ океанъ необозримаго движенія, опасностей, поэзіи, творчества и связаннаго со всѣмъ этимъ чернымъ трудомъ неблагообразія. Разница между тишиною и движеніемъ, между созерцательностью и работою, между страдальческимъ терпѣніемъ и активною борьбою со зломъ—вотъ что психологически и метафизически отдѣляетъ Православіе отъ Католичества и

---

[1]) Такъ въ Россіи называются глубокія и безопасныя заливныя мѣста въ большихъ рѣкахъ, куда на зиму становятся пароходы и другія суда, чтобы ихъ не разломало осеннимъ и весеннимъ льдомъ, при вскрытіи рѣкъ.

Протестантства, и, какъ религія есть душа націи,—отдѣляетъ и противополагаетъ Россію западнымъ народностямъ.

Слишкомъ понятно, что крестившіе насъ греки показались намъ столь же необыкновенными по мудрости, учености, по древнимъ связямъ, почти по самому происхожденію, какъ туземцамъ Гванагани и Кубы показались спутники Колумба. Младенческій умъ русскихъ не отдѣлялъ существа вѣры отъ принесшихъ вѣру людей. Византійцы сразу же этимъ воспользовались, стараясь превратить младенческое поклоненіе въ обязательное и суровое повиновеніе грубаго и невѣжественнаго народа авторитету ихъ политической, церковной и всяческой мудрости. Долгое время русскіе, имѣя уже свое духовенство, свои школы, не смѣли поставить митрополита изъ русскихъ: ясный знакъ фетишизма, перенесеннаго изъ религіи на племя, изъ строя церковнаго на строителей церковныхъ. Византійцы частный поводъ своей ссоры съ папами, именно упреки константинопольскаго патріарха Фотія папамъ за нѣкоторыя формальныя отступленія отъ «Устава церковнаго» (другой способъ печенія просфоръ и т. п.) возвели въ принципъ, окружили нервностью, придали ему принципіальное значеніе, и постарались всю эту мелочность поводовъ раздѣленія привить вновь крещеному народу, новому своему другу, помощнику и возможному въ будущемъ защитнику своей исторической дряхлости. Разлагаясь, умирая, Византія нашептала Россіи всѣ свои предсмертныя ярости и стоны, и завѣщала крѣпко ихъ хранить Россіи. Россія, у постели умирающаго, очаровалась этими предсмертными его вздохами, приняла ихъ нѣжно къ дѣтскому своему сердцу, и дала клятвы умирающему—смертельной нена-

вишти и къ племенамъ западнымъ, болѣе счастливымъ по исторической своей судьбѣ, и къ самому корню ихъ особаго существованія — принципу *жизни, акціи, дѣятельности*. Наступилъ для всей Россіи отъ 988 г. до 1700 года (реформы Петра Великаго) періодъ «Византійскаго строя», «Византійскаго вліянія», «Византійской уставности».

Дитя-Россія приняла видъ сморщеннаго старичка. Такъ какъ нарушеніе «Устава» папами было причиною отдѣленія Восточной Церкви отъ Западной, или раздѣленія всего христіанства на двѣ половины, то Византія нашептала Россіи, что «уставъ», «уставность»—это-то и есть главное въ религіи, сущность вѣры, способъ спасенія души, путь на Небо. Дитя-Россія испуганно приняла эту непонятную, но святую для нея мысль; и совершила всѣ усилія, гигантскія, героическія, до мученичества и самораспятія, чтобы отроческое существо свое вдавить въ формы старообразной муміи, завѣщавшей ей свои вздохи. Какъ «уподобиться» Византіи,—въ этомъ состояло существо историческихъ заботъ Россіи въ теченіе болѣе, чѣмъ полутысячелѣтія. И, въ концѣ концовъ, вѣдь форма вліяетъ на духъ. Россія чѣмъ далѣе—тѣмъ глубже «умерщвлялась» и духовно. «Умерщвляться»—это стало не только понятіемъ, идеаломъ древней Россіи; но это гибельное явленіе такъ и называлось этимъ словомъ, не внушавшимъ никакихъ о себѣ сомнѣній, никакого передъ собою страха. Для русскихъ «близиться къ смерти» и «близиться къ святости» до того слилось въ единый путь, отождествилось, что даже теперь и даже образованные классы не вполнѣ свободны отъ этого понятія. Оно есть нравственная и метафизическая аксіома въ нашихъ монастыряхъ до сихъ поръ; имъ проникнутъ

и теперь весь нашъ народъ въ многомилліонной своей массѣ. Самые образованные люди, какъ Тургеневъ, какъ Герценъ, и атеисты, нигилисты—въ серьезныя минуты жизни вдругъ видятъ въ себѣ возрожденною эту древнѣйшую, первоначальную вѣру своего народа: что умереть—святѣе нежели жить, что смерть угоднѣе Богу (дли вѣрующихъ), Высшему Существу (для философовъ), чему-то (для атеистовъ), нежели жизнь. Эта грустная и ужасная (по мнѣнію пишущаго эти строки) мысль сообщила главный нравственный колоритъ всей восточной, русской Европѣ: чего-то меланхолическаго и погибшаго въ смыслѣ прогресса, чего-то страдающаго и страшно дорогого, чему никто не съумѣетъ помочь. И тѣмъ дороже это существо (Россія) и тѣмъ страшнѣе за нее. Матери въ деревняхъ, когда умираютъ ихъ дѣти на первомъ или второмъ году ихъ жизни, съ радостью говорятъ: «слава Богу, онъ не нагрѣшилъ». Вы испуганы, стараетесь возразить, разсѣять «предразсудокъ», какъ вамъ кажется. Но слышите отвѣтъ красивой, здоровой, разумной женщины: «жить—это только грѣшить; такъ и въ церковныхъ молитвахъ поется: *не можетъ человѣкъ единой минуты прожить безъ грѣха.* О чемъ же плакать? Мой младенецъ у *Бога;* и намъ съ вами (т. е. взрослымъ людямъ) не будетъ такъ хорошо *тамъ*» (т. е. на небѣ). Русскіе люди, какъ въ молодомъ возрастѣ, такъ и въ лѣтахъ возмужалости, когда силы жизни берутъ верхъ надъ смертными началами въ человѣкѣ, когда практическія нужды, служба, работа приковываютъ умъ къ реальной жизни—мало посѣщаютъ церковь, подсмѣиваются надъ церковью, религіею, даже иногда отрицаютъ Бога. Но это—возрастъ, годы. Самое существо «вѣры русской» (такъ называютъ иногда православіе; но «вѣра русская»

очевидно, шире этого церковнаго термина)—не молодо, не юно и даже не возмужало; и въ эти годы просто человѣкъ не находитъ ничего себѣ соотвѣтственнаго въ храмахъ нашихъ, въ службахъ, въ напѣвахъ церковныхъ, въ смыслѣ словъ, тамъ слышимыхъ, въ церковной живописи. Все жизненное, живучее, крѣпкое землѣ, преданное труду, надѣющееся на людей и ихъ свойства человѣческія—не только стерто здѣсь, но вырвано съ корнями; и выброшена за порогъ церковный самая земля, на которой могли бы укрѣпить свои корни эти земныя лиліи. Вся церковь, символически сказать, наполнена лиліями уже не земными, предполагаемо-небесными, какъ бы сперва умершими и потомъ воскресшими для какого-то страннаго, неосязаемаго, призрачнаго существованія «тамъ» (на небѣ, за гробомъ). Вся религія русская—по ту сторону гроба. Можно сказать, Россія находитъ слишкомъ реальнымъ и грубымъ самую земную жизнь Спасителя; она слушаетъ полуоткрытымъ ухомъ Его поученія, притчи, завѣты. Все это она помнитъ, но умомъ на этомъ не останавливается. Но вотъ Спаситель близится ко кресту: Россія страшно настораживается, ухо все открыто, сердце бьется. Христосъ умеръ—Россія въ смятеніи! Для нея это—не исторія, а какъ бы наличный сейчасъ фактъ. Она прошла со Христомъ всю невыразимую муку Голгоѳы. Но и это еще не все, не главная «сущность русской вѣры». Въ Евангеліяхъ мы читаемъ, какъ за земною жизнью Спасителя, уже въ краткихъ главахъ, повѣствуется о нѣсколькихъ дняхъ его бытія *послѣ смерти и погребенія*. Онъ—то̀ является ученикамъ, то̀ скрывается. Рѣчи болѣе кратки и болѣе таинственны. Рѣчи и явленія—все знаменуетъ собою что-то непрямое, какую-то загробную тайну. Вотъ «русская вѣра» чрез-

вычайно напоминаетъ эти заключительныя главы Евангелія, блѣдныя, не реальныя, потустороннія. И русскій человѣкъ не только глубоко постигъ тайную красоту смерти и ползетъ къ этой странной и загадочной красотѣ: но онъ и въ самомъ дѣлѣ умѣетъ съ величіемъ умирать, онъ самъ становится прекраснѣе въ болѣзняхъ, въ страданіяхъ, въ испытаніяхъ. И особенно— прямо передъ гробомъ. Напримѣръ, у русскихъ существуетъ чрезвычайный страхъ умереть внезапно, скоропостижно, «безъ чистаго покаянія», и наконецъ хотя отчасти не искупивъ грѣховъ своихъ тяжелыми муками предсмертнаго болѣнія. Точно вся жизнь кажется русскимъ черною, а съ приближеніемъ къ смерти все принимаетъ бѣлые цвѣта, принимаетъ сіяніе. Жизнь—это ночь; смерть—это разсвѣтъ и, наконецъ, вѣчный день «тамъ» (на небѣ, съ Отцомъ небеснымъ). Итакъ, въ юности и мужествѣ русскіе не посѣщаютъ храмовъ, учащіеся— часто кощунствуютъ въ нихъ. Но вотъ эти самые кощунствовавшіе люди переходятъ за 50-лѣтній возрастъ. Приходятъ болѣзни, давно наступили семейныя тягости. Богатство или потеряно (частый случай у непрактичныхъ русскихъ, у расточительныхъ русскихъ), или не пріобрѣтено — какъ расчитывалось въ молодости. Дѣти уже поднялись и, заботясь о себѣ, мало думаютъ о родителяхъ. Семейная жизнь не крѣпка и не красива у русскихъ, кромѣ исключительныхъ случаевъ. Итакъ, богатства—нѣтъ, слава—не нужна, дѣти—похолодѣли. Въ этомъ возрастѣ человѣкъ чувствуетъ себя одинокимъ, ненужнымъ, лишнимъ. Вдругъ, зайдя случайно въ храмъ,—онъ находитъ здѣсь все роднымъ себѣ, въ высшей степени понятнымъ, страшно нужнымъ. Храмъ точно и ожидалъ этихъ его 50-ти лѣтъ, и еще лучше—60; ожидалъ его болѣзней, сгорбленности, бѣдности, по-

кинутости родными и друзьями; храмъ принимаетъ его какъ друга, какъ родного, принимаетъ съ безконечною нѣжностью, заботою, всепрощеніемъ за прошлую неправильную жизнь. Тысяча интимныхъ, глубочайшихъ, метафизическихъ нитей оказываются общими у этого старца, всѣми покинутаго, и у этого храма, который такъ чтитъ родина, и вообще онъ имѣетъ широкое признаніе и огромную историческую роль. Слабый старикъ, больной, «лишній», вдругъ нашелъ здѣсь себѣ отечество, почти—службу, почти рангъ, положеніе и даже награды!! Всякій человѣкъ хочетъ себѣ опредѣленнаго положенія, теряется безъ положенія; здѣсь, въ православномъ русскомъ храмѣ, такія съ всемірной точки зрѣнія слабости, какъ дряхлость, немощь и убожество, какъ нищета и соціальное ничтожество—оцѣниваются какъ положительная добродѣтель, какъ заслуга передъ Богомъ, какъ небесное на человѣкѣ сіяніе. Человѣкъ, вотъ уже къ 60 годамъ подходящій, радостно вступаетъ на эту послѣднюю, незыблемую, исторически признанную (въ Россіи) лѣстницу — и спѣшитъ по ней. Онъ забываетъ друзей, родныхъ для храма. Театръ, зрѣлища, все веселое—отвратительно для него, «царство сатаны и дьявола», «духовный антихристъ». Онъ нашелъ Христа—по ту сторону Его, Христова, воскресенія. Его манитъ блѣдный ликъ Господа, съ неопавшими смертными покровами, которыми Его увили Іосифъ Аримаѳейскій и Магдалина. Самъ онъ, этотъ немощный старичокъ, немощная старушка, заготовляютъ для себя все смертное: въ особый узелокъ они укладываютъ чистое, особо сшитое, широкое бѣлье, въ которомъ завѣщаютъ положить себя въ гробъ,—и дешевый деревянный кипарисовый (никогда и металлическій) крестикъ, который, полагая тѣло

въ гробъ, ему надѣнутъ на шею. Этотъ узелокъ со «смертнымъ» русскіе, отправляясь въ дорогу по дѣламъ, не забываютъ взять съ собою: на случай смерти въ дорогѣ—чтобы не произошло ошибки и не положили мертваго въ чужомъ бѣльѣ, а не въ этомъ, своими руками заготовленномъ. И это находитъ себѣ отзвукъ въ церкви. Вотъ человѣкъ умеръ. Женщины (непремѣнно женщины) омываютъ его (ибо женщиною рожденъ человѣкъ и ею же онъ долженъ быть омытъ и положенъ въ гробъ); надѣвается на него все «смертное» изъ котораго исключено все богатое, всякое золото или шелкъ. Къ гробу зовутъ монахиню, которая все время, до погребенія, и особенно непрерывно всю ночь—читаетъ надъ нимъ псалмы Давида, любимѣйшую народную русскую книгу. Храмъ высылаетъ золотой парчевой покровъ на усопшаго: ту особенную, только одними священниками во время службы надѣваемую матерію, которая у насъ, на Востокѣ, также символична и священна, какъ красный или голубой виссонъ въ покровахъ на жертвенникѣ и въ одѣяніяхъ священниковъ при ветхозавѣтномъ храмѣ. Этою священною тканью, въ сущности—ризою, одѣвается въ гробу усопшій. Никто не говоритъ, нигдѣ не напечатано, что онъ—священникъ теперь. Но мысль наблюдателя открываетъ дальше, чѣмъ сколько смѣетъ сказать уставъ. Вокругъ усопшаго ставятъ зажженныя высокія восковыя свѣчи, вставленныя въ серебряные высланные изъ храма подсвѣчники (особой формы: домашнихъ, своихъ подсвѣчниковъ нельзя употреблять). Три свѣчи зажигаются: и при чтеніи псалмовъ, среди этихъ зажженныхъ свѣчъ, особенно ночью, такъ и кажется, что вотъ воздвигся около усопшаго свой новый временный храмъ; городской общественный храмъ, какъ греческая метрополія—выслалъ сюда свою колонію. Кто

же главный въ немъ, кто дѣйствователь? гдѣ божество, или ангелъ или безплотный духъ сего временнаго зажегшагося храма?—Гробъ!—Покойники... они живы, они суть, они—дѣйствователи въ этой таинственной религіи шествованія къ смерти; они умерли—слѣдовательно они какъ бы «боги» и, во всякомъ случаѣ, выше, священнѣе людей! Грекъ, язычникъ, всякій сторонній, словомъ—привычный къ многобожію человѣкъ, вовсе не знающій ничего о христіанствѣ и единобожіи, непремѣнно передалъ бы такъ свое впечатлѣніе: «у этого народа боговъ столько, сколько покойниковъ, и сколько вообще есть умершихъ въ ихъ странѣ; покойники носятъ одежду какъ священники и еще какъ иконы (тѣ же характерныя металлическія ризы); и передъ ними, какъ только передъ иконами—кадятъ ладаномъ, читаютъ псалмы и поютъ молитвы». И это общее пластическое наблюденіе, сказавъ много новаго и неожиданнаго самимъ русскимъ (вѣдь не всякій и себя знаетъ), раскрыло бы самое зерно ихъ религіозности и религіи.

При этомъ общемъ настроеніи, меланхолическомъ и гнѣвномъ къ землѣ, замерло, какъ бы заморожено было на семь вѣковъ пѣсенное и играющее творчество народа-дитяти. Нѣтъ танцевъ около гроба, нѣтъ пѣсенъ надъ могилою... Бытъ народный, всѣ цвѣточки, всѣ листочки на немъ обрывались съ отвращеніемъ сперва греческими монахами, крестившими и начавшими учить Русь, затѣмъ—выучившимися у нихъ русскими монахами, и, наконецъ, священниками, которые хотя и не монахи по формѣ, но не могутъ получить сана своего иначе, какъ пройдя монашескую школу и принявъ монашеское настроеніе, дисциплину, міросозерцаніе и этику. Вообще, хотя низшее духовенство, т. е. обыкновенные священники, женато въ Россіи, и Востокъ гордится

даже передъ Западомъ, что не имѣетъ у себя целибата и не отрицаетъ, въ лицѣ духовенства, заповѣди размноженія: однако русское духовенство, и именно это самое женатое, неизмѣримо аскетичнѣе католическаго; и въ поэтическомъ смыслѣ, а не въ смыслѣ чистой физіологіи размноженія, оно гораздо менѣе женато, нежели католическое. Странный духъ оскопленія, отрицанія всякой плоти, вражды ко всему вещественному, матеріальному—сдавилъ съ такою силою русскій духъ, какъ объ этомъ на Западѣ не имѣютъ никакого понятія. Въ католическихъ самобичеваніяхъ есть все-таки нервы. Тайну русскаго аскетизма составляетъ именно безнервность: плачъ, горе, напримѣръ по усопшемъ, по роднымъ, по смерти друга есть порицаемая слабость для аскета, какъ и бурный гнѣвъ на чужой грѣхъ, на зло—есть прямо грѣхъ, проступокъ и «паденіе» святого. Да русскіе святые никогда никого и не упрекали; такъ—легкая слеза, легкій упрекъ въ сторону, почти безмолвно, почти только въ душѣ. Напримѣръ, святой Ѳеодосій Печерскій (вскорѣ послѣ крещенія Руси) пришелъ на одинъ пиръ великокняжескій и, сѣвъ въ сторонѣ—заплакалъ. Когда его спросили, о чемъ онъ плачетъ, онъ отвѣтилъ: «братія, я размышляю, будетъ ли такъ же весело на томъ свѣтѣ (послѣ смерти), какъ вы проводите весело время на этомъ свѣтѣ». Князь и гости смутились и прекратили веселье. Кто здѣсь былъ покорнѣе? Святой князю? Князь святому? Оба лобызали другъ другу руку въ таинственной взаимной покорности, и святой также боялся (нравственно и деликатно, отнюдь не рабски) своего упрека, какъ князь своего веселья около изможденнаго молитвою и постомъ святого. Вотъ это и даетъ образчикъ характернаго русскаго обращенія къ другимъ, вліянія, дѣйствія, пропаганды: запад-

ныя формы, протестантскія и особенно католическія, у насъ немыслимы, невообразимы. Весь русскій народъ закричалъ бы «не надо» при видѣ перваго же насилія, первой грубости ино-крещеному, ино-вѣрному. Притѣсненія бывали и у насъ за вѣру, но никогда—народныя, никогда—изъ толпы. Всегда это были «мѣропріятія» чиновниковъ, въ цѣляхъ національнаго объединенія, обезличенія другихъ народностей; или, въ рѣдчайшихъ случаяхъ, это было дѣйствіями высшей церковной іерархіи, раздраженной и оскорбленной жестокою критикою и часто дѣйствительно невыносимыми хулами религіозныхъ «отщепенцовъ» оффиціальной Церкви. Старовѣры русскіе и вообще всѣ русскія секты упрекаютъ не только въ ошибкахъ и измѣнахъ правительственную русскую вѣру, но иначе и не называютъ ее, постоянно и громко, какъ «царствомъ Антихриста». И притомъ съ убѣжденіемъ и пыломъ, какого на Западѣ не съумѣютъ представить себѣ! Вообще изъ исторіи сектантства нужно отмѣтить эту трогательную и нигдѣ еще не встрѣчающуюся черту, что 1) кричатъ—раскольники, шепчутъ—православные, 2) безстрашны—гонимые, всего боятся, робки въ словѣ и дѣйствіяхъ—гонители, 3) всего надѣются, ко всему рвутся сектанты, пессимистично настроенъ и боится шевельнуться, сдѣлать шагъ впередъ или въ сторону—представитель оффиціальной Церкви.— Это сообщаетъ самой оффиціальной Церкви до того кроткій и смиренный видъ, что, при всемъ пониманіи въ ней недостатковъ—ее больно критиковать, хочется все ей простить, со всѣмъ примириться, и умереть все-таки православнымъ даже при отрицаніи почти всего Православія. Это — одна изъ тайнъ «русской вѣры», которая вообще и вся состоитъ изъ странныхъ психологическихъ и метафизическихъ тайнъ, нимало не во-

шедшихъ въ догматики, которыя всѣ скомпилированы съ протестантскихъ и католическихъ ученыхъ трудовъ, и нимало не выражаютъ русскаго церковнаго духа и народнаго религіознаго настроенія и міросозерцанія.

Русскіе церковные напѣвы и русская храмовая живопись—все это безплотно, безженно, «духовно» въ строгомъ соотвѣтствіи съ общимъ строемъ Церкви. Богоматерь, питающая грудью Младенца-Христа—невозможное зрѣлище въ русскомъ православномъ храмѣ. Здѣсь русскіе пошли противъ исторически-достовѣрнаго слова Божія: напримѣръ, хотя Дѣва-Марія родила Іисуса еще юною, никакъ не старше 17 лѣтъ, однако съ Младенцемъ Іисусомъ на колѣняхъ Она никогда у насъ не изображается въ этомъ возрастѣ. Богоматерь всегда изображается какъ старая или уже старѣющая женщина, лѣтъ около 40, и держа на колѣняхъ всегда вполнѣ закрытаго (сравни съ католическими обнаженными фигурами) Іисуса; она имѣетъ видъ не Матери, а няни, пѣстующей какого-то несчастнаго и чужого ребенка: лицо ея всегда почти скорбное и нерѣдко со слезою, вытекшею изъ глаза. Вообще Голгоѳа перенесена въ самый Виѳлеемъ и вытравила въ немъ все радостное, легкое, все обѣщающее и надѣющееся. Никогда не видно въ православной живописи (самобытной и оригинальной, распространенной повсемѣстно) и животныхъ около Вертепа Господня: коровъ, пастуховъ, маленькихъ осликовъ. Вообще животное начало съ страшною силою отторгнуто, отброшено отъ себя Православіемъ. Въ сущности, оно все—монофизично, хотя именно на Востокѣ монофизитство какъ *догматъ* было отвергнуто и осуждено. Но какъ *догматъ*—оно осудилось, а какъ *фактъ*—оно обняло, распространилось и необыкновенно укрѣпилось въ Православіи, и стало не одною изъ истинъ Право-

славія, а краеугольнымъ камнемъ всего Православія. Все это выросло изъ одной тенденціи: истребить изъ религіи всѣ человѣческія черты, все обыкновенное, житейское, земное, и оставить въ ней одно только небесное, божественное, сверхъестественное. Такъ какъ, въ сущности, метафизичнѣе смерти ничего нѣтъ, и ничего нѣтъ болѣе противоположнаго земному, чѣмъ умирающее и умершее: то въ этой крайности направленія Православіе и не могло не впасть въ какой-то апоѳеозъ смерти, безсознательный для себя и однако мучительный. Отсюда такая искажающая истину тенденціозность, какъ представленіе Богоматери почти старухою; таково утвержденіе, что Богоматерь и «до рожденія», и «во время самаго рожденія», и «послѣ рожденія Спасителя» осталась дѣвою, хотя въ Евангеліи сказано, что она принесла въ храмъ двухъ горлинокъ, что дѣлалось еврейками по окончаніи женскаго послѣродового очищенія, и, будучи жертвою за нечистоту этого процесса, не могло быть принесено Св. Дѣвою безъ него. Да и физическій актъ родовъ младенца, все равно, если рождающійся былъ и Богъ, однако же Имѣвшій физическое тѣло именно младенца, не могло совершиться безъ нарушенія главнаго и единственнаго признака дѣвства, именно безъ разрушенія дѣвственной плевы. Въ Евангеліи, при указаніи принесенія въ жертву двухъ горлинокъ, такъ и изложено это событіе, какъ совершившееся въ обыкновенныхъ человѣческихъ чертахъ. Но православные неодолимо гнушаются внесеніемъ «обыкновеннаго» въ религію: и вопреки тексту Евангелія бурно утвердили такъ называемое «приснодѣвство» Маріи, т. е. они, въ сущности, какъ бы закрыли ладонью евангельское событіе и сочинили на мѣсто его другое, свое собственное, чисто *вербальное, словесное*. Въ грам-

матикѣ человѣческаго языка, конечно, никакого нѣтъ препятствія выговорить: «пребыла дѣвою въ родахъ». Но отъ слова до дѣла—пропасть! Православные, и, конечно, опять *только на словахъ,* перепрыгнули черезъ эту пропасть, сочинили свою *вербальную* концепцію Виѳлеема, выжавъ всякую кровинку изъ него, все содѣлавъ сплетеннымъ изъ воздуха, фантазіи и небылицы, и поклонились своему безплотному разсказу вмѣсто того, чтобы признать полное реальности воплощеніе Бога-Слова. Но вотъ, насколько воздушно и словесно выражено Рождество-Христово, настолько ярко выражены, хотя бы въ праздникахъ и въ построеніи храмовъ, Успеніе Пресвятой Богородицы и Покровъ Пресвятой Богородицы. Въ Россіи есть множество храмовъ Успенія Божіей Матери, и русскіе государи коронуются въ Москвѣ въ Успенскомъ соборѣ; самый строгій двухъ-недѣльный постъ—Успенскій же; день Успенія Пресвятой Богородицы—одинъ изъ величайшихъ годовыхъ праздниковъ. Здѣсь центръ событія—смерть, слезы. И событіе вознесено и объято русскимъ народомъ съ трогательной глубиной и нѣжностью. Наконецъ, очень любимъ праздникъ Покрова Богородицы (1-го октября) и очень часты храмы въ честь Покрова Богородицы: между тѣмъ предметомъ его служитъ одно изъ чудесъ, совершившихся, по преданію, въ Константинополѣ отъ погруженія ризы Пресвятой Богородицы въ море. Русскія (еще языческія) суда приближались къ Константинополю съ моря; не имѣя защиты, цареградцы погрузили чудотворную ризу въ море; произошла буря и разметала русскія суда. Но здѣсь съ великой силой русское сердце обняло чудо. Чудо, т. е. сверхъестественное, и слѣдовательно опять же отверженіе земли, презираніе земного порядка вещей—обнято

съ величайшей глубиной русскимъ чувствомъ и русскимъ воображеніемъ. Русскіе не боятся чуда. У нихъ никакого нѣтъ страха передъ нимъ. Они умиляются на чудо, видя въ немъ какъ бы разверзшіяся на человѣка Небеса: единственное, чему они хотятъ поклоняться, что считаютъ достойнымъ поклоненія. Великія концепціи филисофіи, пусть даже религіозной философіи,— все это для нихъ не стоющая вниманія вещь, какъ всякое человѣческое, обыкновенное, не сверхъестественное. Но, напримѣръ, по молитвѣ святого больной всталъ и выздоровѣлъ: тогда русскій падаетъ на землю и цѣлуетъ прахъ подъ ногами этого святого, ибо онъ увидѣлъ здѣсь манифестацію чего-то не человѣческаго.

До какой степени все радостное, земное, всякое просвѣтленіе черезъ религію собственно самой жизни и ея условій враждебно основнымъ тенденціямъ Православія, видно изъ глубокой изуродованности семейной жизни у духовенства. Русскіе гордятся, что у нихъ нѣтъ целибата. Но они допустили бракъ священниковъ почти только ариѳметически и вербально, только по имени, истребивъ съ величайшей жестокостью все, откуда бракъ возникаетъ и что его окружаетъ. Бракъ возникаетъ изъ любви,—но Церковь не допускаетъ самаго слова «любовь», боится и презираетъ тò плотское чувство, «эстетическое восхищеніе», которое выразилось у Адама при видѣ сотворенной для него Евы. Русскій священникъ уже принявъ санъ, не можетъ жениться. Еслибы онъ принялъ санъ священника, не женившись, и потомъ захотѣлъ бы жениться, ему не будетъ этого дозволено. Такимъ образомъ у русскихъ существуетъ целибатъ же. Но на ряду съ этой суровостью и сухостью, съ этой враждой къ семьѣ и браку, Церкви Восточной хочется упрекнуть Западную за целибатъ и осудить ее за отри-

цаніе заповѣди: «плодитесь, множитесь». Какъ же этого достигнуть? Построена одна изъ хитрыхъ византійскихъ паутинъ мысли, чтобы въ одно и то же время отвергнуть и признать, какъ будто благословлять и вмѣстѣ съ тѣмъ ненавидѣть: семинаристъ долженъ жениться (и это, до самыхъ послѣднихъ лѣтъ, было обязательнымъ для всѣхъ правиломъ) въ нѣсколько недѣль, длящихся между выходомъ изъ духовнаго учебнаго заведенія и принятіемъ сана. Въ эти нѣсколько недѣль онъ долженъ пріискать невѣсту среди духовенства же ближнихъ приходовъ, и, какъ никакой любви не можетъ возникнуть сразу, то единственнымъ основаніемъ брака служитъ гнуснѣйшій и открытый торгъ о приданомъ. Священникъ будущій беретъ за невѣстою, смотря по тому, кончилъ ли онъ курсъ въ семинаріи или въ духовной академіи, отъ одной до пяти тысячъ рублей, и тщательно выговоренное вещественное приданое, платья шерстяныя и шелковыя, посуду чайную и столовую, серебряныя ложки чайныя и столовыя (обѣденныя), мебель и проч. Ни въ одномъ изъ русскихъ сословій, даже среди полунищаго крестьянства, среди мѣщанства и купечества, не происходитъ такого грубаго торга о приданомъ невѣсты, какъ въ духовномъ сословіи. . . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

. . Договоримъ о бракѣ священниковъ: обвѣнчавшись, онъ спѣшитъ къ епископу за полученіемъ мѣста, и немедленно посвящается въ санъ священника или діа-

кона. При этомъ онъ снимаетъ обручальное кольцо и во всю жизнь не имѣетъ права носить его. Бываютъ частые случаи, что священникъ теряетъ жену въ первый же годъ брака, или на второй, на третій годъ, и остается съ 1—2 малолѣтками. Хотя Православная Церковь называетъ себя «матерью чадъ своихъ», т. е. всѣхъ православныхъ, и хотя она облита слезами скорби, и старается имѣть видъ жалости ко всѣмъ тварямъ, — она остается черства, тверда и суха къ положенію этихъ несчастныхъ священниковъ, не допуская ни подъ какимъ видомъ ихъ до второго брака, не дозволяя взять мать для осиротѣвшихъ дѣтей, хозяйку для разваливающагося дома. Хотя небезъизвѣстно всѣмъ, изъ посмертныхъ разсказовъ, да и изъ свидѣтельства очевидцевъ, что съ этого именно времени многіе священники впадаютъ въ запойное пьянство отъ непривычнаго одиночества, или предаются картежной игрѣ, или вступаютъ въ связь съ женской прислугой и съ дальними, живущими въ дому ихъ, родственницами. Вытекаетъ это изъ того, что уже и первый бракъ данъ имъ для того, чтобы имѣть поводъ упрекнуть католиковъ за безбрачіе, но безъ всякаго вовсе чувства брака, сочувствія къ нему, поэзіи около него.

Въ силу этого семья вообще у русскихъ стоитъ невысоко, ибо и для прочихъ мірянъ, для всего народа, условія вступленія въ него выработаны также жестко, сухо, отталкивающе. Все библейское ученіе о бракѣ вовсе отмѣнено; все библейское чувство семьи и брака вовсе неизвѣстно въ Православіи, и, если бы гдѣ проявилось—вызвало бы величайшее озлобленіе противъ себя . . . .

. . . .

. . . .

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Изъ этого общаго склада Православія вытекло учреждение оберъ-прокуратуры при Святѣйшемъ Сvнодѣ. Первоначально эта должность была учреждена Пе-

тромъ Великимъ изъ опасеній соперничества съ царскою властью честолюбивыхъ патріарховъ, чему примѣръ былъ данъ патріархомъ Никономъ. Петръ вообще былъ человѣкъ очень сильнаго воображенія, чрезвычайной мнительности и опасливости, переходящей въ робость и испугъ; таковъ онъ былъ, несмотря на кровавый ореолъ свой, грозный характеръ и неукротимую энергію. Хотя Никонъ боролся противъ его безвольнаго («тишайшаго», по выраженію лѣтописей) отца и все же былъ побѣжденъ, такъ что, очевидно, никакой патріархъ не могъ бы одолѣть великій въ народѣ авторитетъ царя,—однако Петра пугали даже тѣни, даже возможности, и онъ отмѣнилъ вовсе патріаршество, учредивъ на мѣсто его такъ называемый «Сѵнодъ». Онъ состоитъ изъ собранія 8—10 іерарховъ, митрополитовъ и епископовъ, вызываемыхъ «къ присутствованію» указомъ Государя. А какъ Государь, поглощенный военными и дипломатическими отношеніями государства, да и другими безчисленными заботами по внутреннему управленію, не имѣетъ, конечно, возможности знать личный составъ духовенства, то назначеніе послѣдняго на мѣста епископскія, архіепископскія и митрополичьи — происходитъ по рекомендаціи особаго чиновника, на правахъ министра, приставленнаго къ Сѵноду, дабы слѣдить за согласованіемъ дѣйствій духовенства съ гражданскими законами, и вообще съ интересами государства, равно чтобы предупредить всякія попытки честолюбивыхъ духовныхъ особъ послѣдовать по пути Никона. Въ XVIII вѣкѣ такими чиновниками преднамѣренно назначались иногда атеисты или вольнодумцы, любители философіи Вольтера и энциклопедистовъ: дабы они могли холоднѣе и бездушнѣе давать отпоръ особымъ притязаніямъ духовенства, и вообще построже за нимъ при-

сматривать. Эти свѣтскіе философы были въ то же время дѣятельными чиновниками, добросовѣстными, трудолюбивыми; и въ XVIII же вѣкѣ они начали выступать на защиту приниженнаго низшаго сословія духовенства, именно священниковъ (семейныхъ) противъ монаховъ-іерарховъ, которые составляютъ аристократію Церкви. Въ XVIII вѣкѣ они мало-по-малу заставили лѣнивое и необразованное монашество заниматься по крайней мѣрѣ административно, чиновно дѣлами, до Церкви относящимися. Весь строй церковный сталъ преобразовываться, сохраняя религіозныя формы, въ обширное «Вѣдомство» или «Министерство духовныхъ дѣлъ», при чемъ архіереи (епископы) малу-по-малу уравнялись съ губернаторами и вице-губернаторами (викарные епископы), а обыкновенные священники стали мѣстными духовными наблюдателями за населеніемъ, на-подобіе становыхъ и квартальныхъ, но только въ торжественномъ духовномъ одѣяніи и съ правомъ совершать таинства и службы. Движеніе это усилилось съ императора Павла, когда и священники, и епископы—всѣ стали получать награды орденами, какъ и обыкновенные чиновники. Все это отвлекло духовенство отъ собственно-духовной стороны и развило въ немъ всѣ страсти свѣтской службы: искательство у начальства, которымъ является свѣтское начальство, и жадность къ денежному прибытку, который почерпается у прихожанъ. Но болѣе опасно сдѣлалось положеніе духовенства и всей Церкви съ тѣхъ поръ, какъ на должность оберъ-прокуроровъ стали восходить люди не только обширнаго образованія, но и сильнаго религіознаго настроенія. Таковъ былъ состоявшій долгое время оберъ-прокуроромъ Сѵнода Побѣдоносцевъ. Съ этой перемѣною оберъ-прокуроры сдѣлались не защит-

никами только государства отъ Церкви, а руководителями Церкви. Не связанные никакими обѣтами священства, они въ то же время являются фактическими главами Церкви, въ ея наличный текущій моментъ. Правда, они не могутъ ничего прибавить или убавить въ догматахъ Церкви, въ сложившемся ученіи ея,—хотя и объ этомъ можно сказать, что они до сихъ поръ не трогали этихъ археологичеекихъ святынь Православія, и *прямо* никогда не смогутъ тронуть ихъ. Но, напримѣръ, отъ оберъ-прокуроровъ зависитъ назначеніе профессоровъ въ духовныя академіи и въ семинаріи, назначеніе тѣхъ или иныхъ монаховъ на епископскія и митрополичья каѳедры, и ихъ вызовъ въ Сѵнодъ: слишкомъ понятно, что, не покровительствуя *прямо* такимъ-то мнѣніямъ, такимъ-то направленіямъ въ богословіи, они могутъ покровительствовать, давать занятія и должности и раздавать ученыя и административныя каѳедры людямъ, держащимся *такого-то*, хотя бы еретическаго, *образа мыслей*, и подавлять людей противоположнаго образа мыслей. Хотя до сихъ поръ не было примѣра, но со временемъ они могутъ такимъ образомъ оказать вліяніе и на «сокровищницу древностей» Православія, въ составѣ-ли ея догматовъ и ученія, или—обрядовъ. Наша оберъ-прокуратура, глубоко сковавъ, до полной неподвижности, черную, монашескую іерархію, и усиливаясь улучшить положеніе бѣлаго духовенства, имѣетъ характеръ не столько свѣтскаго папства въ Церкви, въ чемъ ее упрекали очень многія свѣтила нашей литературы, публицистики и науки, сколько скорѣе смотрителя-врача около слабаго больного, около душевнобольного съ приступами временнаго буйства: при чемъ роль ея и полезна, и необходима, а вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно безпритязательна, ибо оберъ-прокуроръ,

этотъ обвиняемый «папа со шпагою», слетаетъ съ должности и замѣняется противоположнымъ по первому мановенію Государя. Само собою разумѣется, что при такой шаткости положенія онъ никакъ не можетъ походить на папу. Все дѣло проще, и вмѣстѣ оно страшнѣе. «Церковь—не отъ міра сего», учила о себѣ Церковь, возлюбивъ и власть, и ордена, и отличія, а паче всего не пренебрегая деньгами. Глубокая скорбь прошла черезъ душу русскую, въ ея идеализмѣ ужаснувшуюся этому двуличію. Тогда, въ лицѣ власти, душа русская рѣшила сохранить для народа весь декорумъ религіи, «святую сокровищницу древностей», и въ то же время осторожно арестовать или взять въ опеку или подъ присмотръ всѣхъ этихъ носителей исторической святыни, дабы они не разсыпали и не растеряли чего, да и вели себя около святыни не соблазнительно для народа. О самой же святынѣ душа русская, насколько волнуется или размышляетъ, или ничего не думаетъ, или думаетъ, что тамъ въ ящикахъ—пусто; таково мнѣніе образованныхъ классовъ; простой же народъ и вообще неразмышляющіе взираютъ съ умиленіемъ на позолоченные ящики, въ которыхъ несутъ эти святыни, и занимаются разсматриваніемъ ихъ украшеній, часто изъ чистаго золота и усыпанныхъ драгоцѣнными камнями. Но, въ основѣ дѣла—стража, опека. Самое удобное для этого—привычные чиновные ряды, чиновная іерархія, чиновныя служебныя награды и дисциплинарныя взысканія. Едва какой-нибудь епископъ начинаетъ вести себя, въ личной біографіи, соблазнительно, или оказываетъ сопротивленіе волѣ оберъ-прокурора, или даже настояніямъ приставленнаго къ нему мѣстнаго чиновника, секретаря духовной консисторіи, который назначается оберъ-прокуроромъ и сносится только съ нимъ,—такъ

его или переводятъ на худшее мѣсто по службѣ, т. е. въ болѣе бѣдную епархію, или даже вовсе «увольняютъ на покой» («на отдыхъ»). Подъ этимъ скромнымъ и милосерднымъ выраженіемъ скрывается увольненіе отъ должности, т. е. возвращеніе къ состоянію простого монашества. При чемъ епископъ, жившій во дворцѣ, получавшій нѣсколько тысячъ рублей дохода, и передъ которымъ трепетало и склонялось до земли духовенство цѣлой губерніи, получаетъ келью (маленькую комнатку въ монастырѣ), безъ права покинуть ее, перемѣститься на жительство въ другое мѣсто, и даже съ постояннымъ надзираніемъ за посѣтителями такого отставного епископа, и—скудный монашескій столъ. Очень ядовито указывается свѣтскою властью, что вѣдь монахъ и «отрекся отъ всего земного», ему «богатства и свободы не нужно», онъ «не имѣетъ права желать этого по *монашескому обѣту*». Но умалчивается, что вѣдь свѣтская же власть и разожгла въ этомъ «монахѣ», какъ и во всемъ образованномъ (полу-образованномъ) монашествѣ всѣ аппетиты власти, почести и богатства. Теперь это выводится изъ обыкновенія, но было всѣ вѣка обычаемъ, что духовенство бѣлое не иначе встрѣчало пріѣзжающаго въ епархію (на управленіе) епископа, какъ стоя рядами на колѣняхъ; и когда онъ подходилъ, благословляя ихъ и говоря имъ трогательныя слова изъ ап. Павла, они въ рабскомъ страхѣ клали сѣдыя головы свои на каменный помостъ церкви—какъ еврейскіе рабы передъ фараонами на изображеніяхъ обелисковъ и пирамидъ. Такъ еще въ 1888 году я видѣлъ именно эту картину поразившей меня встрѣчи епископа Орловскаго Мисаила духовенствомъ города Ельца. И этотъ добрый и простой епископъ не искалъ униженія, но его предшественники, да и весь церковный строй

Православія, склонилъ старческія выи семейныхъ людей передъ входившимъ въ храмъ 45-лѣтнимъ «ангеломъ» (монахи въ Православіи именуются «ангелами земными, небесными человѣками»). Не падая до земли, но еще болѣе трепеща, встрѣчается этотъ «ангелъ» съ оберъ-прокуроромъ и даже его товарищемъ: усталымъ, нервнымъ, заботливымъ чиновникомъ въ вицъ-мундирѣ, который осторожно навѣдывается у секретаря мѣстной консисторіи:

— Этотъ ангелъ не пьетъ?

— Этотъ ангелъ не посѣщаетъ тайно какой-нибудь женщины?

— Взятокъ не очень много беретъ? можетъ быть совсѣмъ не беретъ?

И слыша:

— Не беретъ взятокъ.

— Къ попамъ милостивъ.

— Довольно ученъ, по крайней мѣрѣ—не неучъ,— слыша это, представляетъ его къ звѣздѣ, которую «ангелъ» носитъ съ несравненно большимъ удовольствіемъ, нежели привычный, ординарный, у всѣхъ имѣющійся нагрудный крестъ. Но народу этого не видно. И въ то время, какъ священники склоняются передъ епископомъ въ рабскомъ страхѣ,—онъ, народъ, склоняется передъ «пастыремъ и архіереемъ, видимымъ олицетвореніемъ Христа, чуждымъ страстей и помышляющимъ объ одномъ небесномъ», съ чувствомъ богомольнаго, боготворящаго умиленія, съ чувствомъ восторга. Духовенство наше, особенно въ высокихъ рядахъ монашества, чрезвычайно любимо, до обожанія, до обо̀женія.

Въ общемъ, однако, Русская Церковь увядаетъ своимъ особымъ способомъ, по своему особому типу,

повинуясь своему особому закону и траэкторіи полета, какъ и двѣ другія Церкви, католическая и протестантская. Во многихъ отношеніяхъ она занимаетъ середину между ними. Она болѣе уязвима въ своихъ слабостяхъ, немощахъ; и менѣе заслуживаетъ упрековъ въ высотахъ, въ порывахъ. Ея страданіе—углубленія, рытвины, тогда какъ, напр., въ католичествѣ—патологичны именно горы. Но это все равно. . . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . . Причина этого въ томъ, что Христіанство вообще не *космологично*,—и поэтому не можетъ ни согласовать себя, ни съ силою и правомъ противостоять космологическому знанію человѣчества, выросшему въ формѣ наукъ. Увы, «люби ближняго»—никакъ не отвѣчаетъ на вопросъ о составѣ свѣта, химическихъ соединеніяхъ, законѣ сохраненія энергіи. Христіанство болѣе и болѣе сходитъ къ моральнымъ трюизмамъ, къ прописямъ то̀ легонькихъ, то̀ трудныхъ добродѣтелей, которыя не могутъ помочь человѣчеству въ великихъ вопросахъ голода, нищеты, труда, экономическаго устройства. По-неволѣ Христіанство занимаетъ только уголокъ въ современной цивилизаціи, когда въ младенческіе средніе вѣка оно окрашивало и имѣло силу *очернить* всю цивилизацію. Цивилизація не то, чтобы не хочетъ подчиниться Христіанству: но Христіанство не умѣетъ и не имѣетъ никакихъ способовъ и, наконецъ, отчасти не хочетъ подчинить себѣ цивилизацію, по разности категорій, въ которыхъ выражены оно (хри-

стіанство) и она (цивилизація). У нихъ нѣтъ зубчатыхъ, взаимно цѣпляющихся колесъ, какими они могли бы захватить другъ друга. Христіанство вдругъ оказалось *ограниченнымъ*, не всеобъемлющимъ, не универсальнымъ, когда оно выдавало себя за таковое, и очень долго его принимали за таковое. Ни которая изъ Церквей и наконецъ все Христіанство не можетъ отвѣтить на самые мучительные вопросы ума, на самыя законныя требованія жизни; . . . .

. . . .

. . . . самые мудрые изъ прелатовъ и епископовъ, изъ проповѣдниковъ и богослововъ, все же имѣютъ какое-то несовершеннолѣтіе сравнительно съ первоклассными учеными, поэтами, агитаторами. Л. Толстой не потому не могъ бы подчиниться папѣ, что онъ — другой вѣры, иной Церкви, иного племени; но оттого, что свободное образованіе Толстого выше, чище, искреннѣе и основательнѣе, чѣмъ нынѣ уже *искусственное* и *условное образованіе* папы. То же можно приложить къ первымъ пасторамъ, къ митрополитамъ. Толстой учится разному 1) у русскаго мужика, 2) у Шопенгауэра, 3) у Будды, 4) у Мопассана. Все это—естественное и живое дерево, и Мопассанъ, и Шопенгауэръ, и русскій мужикъ. Тогда какъ папа весь дѣлится на два существа: 1) *я* его, которое скрыто и мы вовсе не знаемъ, что́ же именно въ концѣ концовъ онъ думаетъ и знаетъ, и 2) *санъ* его, который очень

много думаетъ по рубрикамъ своихъ обязанностей, но все это уже не живое, не настоящее въ немъ; все это— одѣянія, повѣшанныя на манекенъ, ими скрытый, но одѣянія потому только и не падаютъ на полъ, что ихъ все же держитъ собою этотъ манекенъ. . . . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .»

Живы, энергичны теперь только секты, которыя именно въ движеніи поставили себѣ задачу. Но то, къ чему движется каждая изъ сектъ, въ сущности, содержится въ сердцевинѣ уже бездыханнаго организма. Всѣ секты, протестантскія, православныя, католическія, не имѣютъ ничего новаго и оригинальнаго въ себѣ сравнительно съ той Церковью, которой онѣ якобы противополагаются, а въ сущности—отъ которой отдѣлились не болѣе, чѣмъ сукъ отъ ствола. . . . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .»

Въ обществахъ европейскихъ еще надолго останутся такъ называемыя «христіанскія чувства»: какъ въ домѣ, гдѣ жилъ человѣкъ, еще долго остается «духъ его», строй его мысли и чувствъ, и даже заведенные имъ «порядки». Но это уже не цѣльный организмъ, хотя бы даже въ степени «организма (системы) чувствъ». Христіанство сохранится въ европейской цивилизаціи долѣе всего въ видѣ странствующихъ афоризмовъ, прекрасныхъ изреченій, великолѣпныхъ практическихъ и этическихъ «максимъ» (= правилъ), и нѣтъ никакихъ причинъ, чтобы эти прекрасныя выраженія не исторгали у отдѣльныхъ

людей и особенно въ отдѣльные моменты ихъ жизни то̀ тяжелые вздохи, то̀ прекрасныя слезы. Но это вовсе не то, что основа и фундаментъ жизни. Основою и фундаментомъ жизни европейскаго человѣчества давно уже служатъ: 1) экономика, 2) знанія (науки). Но гдѣ же метафизика? мистицизмъ?—безъ которыхъ не обходился ни одинъ великій народъ и ни одна великая эпоха.

Можетъ быть, суждено европейскому человѣчеству выработать свою оригинальную метафизику и оригинальный мистицизмъ, который выразилъ бы отношеніе къ Богу лица европейскаго, между тѣмъ какъ до сихъ поръ европейцы, очевидно, пользовались собственно еврейскими формами отношенія къ Богу (Библія, апостолъ Павелъ). По всему вѣроятію, сюда войдетъ много, но совершенно переработаннаго и безконечно углубленнаго, язычества—какъ въ его эллино-римскихъ элементахъ, такъ и особенно въ германо-славянскихъ элементахъ. Пѣсни народныя, эпосъ народный — они также хватаютъ за сердце человѣка. Дѣтскія пѣсни, колыбельныя пѣсни, бытовыя пѣсни — онѣ мотивами своими, и тонами своими, и содержаніемъ своимъ говорятъ иногда такъ же много, какъ пѣснопѣнія Церквей. Но онѣ подвижны, живы, прилипаютъ къ сердцу человѣка, свѣжи и разнообразны, какъ сама жизнь: и въ этомъ отношеніи онѣ выше литургій, слишкомъ схематичныхъ и общихъ, и не отвѣчающихъ человѣку на скорбь *этого часа,* на радость *этого дня.* Но это—только лирика. Спрашиваемъ еще разъ: гдѣ же метафизика?

Человѣкъ метафизиченъ по самому существу своему: и если онъ воспринимаетъ религіи, усвоиваетъ одну или другую, слушаетъ проповѣдниковъ, то потому именно, что онъ раньше услышанной проповѣди есть уже исповѣдникъ, священникъ до оформленнаго священства, и пророкъ

до оформившагося пророчества. Вотъ этимъ-то врожденнымъ метафизическимъ вопросамъ человѣка Христіанство и не съумѣло дать отвѣта, не только удовлетворительнаго, но и никакого; и отъ этого оно угасаетъ. Чтò такое человѣкъ до рожденія, и чтò такое самое рожденіе? Чтò такое человѣкъ послѣ смерти, и чтò есть самая смерть? Чтò такое грѣхъ? Съ чего начинать его, съ какого «А»? . . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . . И каковъ способъ «снятія проклятія, грѣха и смерти» съ человѣчества? Здѣсь мы запутываемся еще болѣе. Адамъ палъ потому, что не послушался Бога; неужели дѣти Адама, все человѣчество, «искупились» тѣмъ, что избраннѣйшее племя изъ этого человѣчества и въ царственномъ градѣ этого

человѣчества, въ градѣ священниковъ и пророковъ, подняло руку и умертвило... *Бога!!* Бога-ли?—вотъ вопросъ! По основному воззрѣнію Христіанства, было убито именно существо божественное, «Сынъ Божій»; неужели Отецъ Его, «Отецъ нашъ, Сущій на Небесахъ», проститъ намъ грѣхи наши въ отношеніи другъ друга, ложь нашу, жестокость нашу, войны наши, вѣроломство наше *потому именно и потому особенно, что мы замучили и умертвили Его Сына?* Вѣдь то особое наказаніе, какое евреи понесли за смерть Его, наказаніе отверженія, разсѣянія и разоренія,—его должны бы понести всѣ народы, цѣлое человѣчество, если смерть Спасителя имѣла отношеніе ко всему человѣчеству? Не всѣ и евреи распинали Его, а горсть, кричавшая на дворѣ Пилата: но потерпѣли наказаніе *всѣ*, — и жители Виѳлеема или Назарета, какъ жители Іерусалима. Параллельно, если взять планету нашу, которую «искупилъ» Іисусъ, то, очевидно, и она должна была быть наказана *вся* за смерть Іисуса, т. е. во всѣхъ частяхъ человѣчества. Или евреевъ не надо было *всѣхъ* и *сплошь* казнить; или уже казни достойно все человѣчество, и германцы, и русскіе. «Казни», мы говоримъ: а вѣдь начали говорить о «снятіи грѣха, проклятія и смерти». Гдѣ же именно *оно,* это *избавленіе,* это *облегченіе,* эта *радость* и *бѣлый свѣтъ,* будто бы связующійся съ Голгоѳой? Для евреевъ—гибель, а для насъ... чахотка, ракъ, убійства, грабежи, сифилисъ. Гдѣ же знаки «искупленія»? и вообще метафизической перемѣны въ самомъ *бытіи* человѣчества? Все—ветхозавѣтно, даже хуже, чѣмъ ветхозавѣтно: ибо до «искупленія» человѣчества и до проповѣди Іисуса въ одномъ небольшомъ городкѣ, въ маленькой странѣ, нашлись же такіе люди, какъ Марія и Елисавета, какъ двѣ сестры Лазаря, Марія Магдалина и Самарянка? Нашлось 11 про-

столюдиновъ съ разумомъ и сердцемъ Апостоловъ; и Никодимъ, и Закхей, и даже всѣ эти, съ великимъ сердцемъ, прокаженные, слѣпорожденные, разслабленные, блудницы, мытари! Вотъ *эмпирическій матерьялъ*, который уже *ранѣе* Его *былъ* и который Іисусъ нашелъ *готовымъ* въ «проклятомъ» мѣстѣ: ибо Іерусалимъ былъ проклятъ и обреченъ гибели послѣ Него. Ну, хорошо. Было за что проклясть Іерусалимъ, и основать новую религію на развалинахъ древней. Такъ можетъ быть теперь мы найдемъ, въ Парижѣ или Берлинѣ, еще Самарянку? еще Іосифа Аримаѳейскаго? еще 11 Апостоловъ? и Марію съ Елизаветою? Гомерическій хохотъ, который раздался бы на этотъ вопросъ въ отвѣтъ, показуетъ, до чего *эмпирическій человѣческій матерьялъ, найденный уже готовымъ Іисусомъ въ Іудеѣ, былъ выше того, который Онъ Самъ оставилъ послѣ Себя* маленькой планетѣ, съ жалкимъ, скорбнымъ и недоумѣвающимъ населеніемъ.

И, наконецъ, добро, благо умиротворенія и любви, принесенныя Имъ на эту скорбную планетку?.. Какъ молилъ за Содомъ и Гоморру Авраамъ Бога: «если не достанетъ до 50 праведниковъ, то неужели тогда Ты казнишь его? если не достанетъ 40? 30? и, наконецъ, только 10?»—«Если найду въ Содомѣ *десять* праведниковъ, то *пощажу весь городъ ради нихъ*»; вотъ рѣшеніе Божіе, рѣшеніе *ветхозавѣтное*. А мы учимъ, что Ветхій Завѣтъ былъ *жестокъ* сравнительно съ Новымъ Но если пересчитать святыхъ лицъ, удивительныхъ, трогательныхъ, выше которыхъ не видалъ міръ, въ Евангеліи, т. е. въ Палестинѣ *во время Іисуса* и, такъ сказать, у ногъ Его,—то ихъ найдется гораздо болѣе 50! И однако Палестина *не была пощажена*, хотя и остальные-то ея жители все же не были содомляне, а только вѣрны Моисееву закону о субботѣ, да «преданіямъ

старцевъ», линія которыхъ началась отъ достойнаго Ездры. Такимъ образомъ смутна для насъ не только надежда, что мы «искуплены отъ грѣха, проклятія и смерти»: но и какая-либо увѣренность, что новозавѣтная жизнь имѣетъ преимущества передъ ветхозавѣтною, и что даже въ зернѣ всего дѣла лежитъ... подвигъ любви и милости, Небеснаго-ли Отца къ намъ, Сына-ли Его къ человѣчеству.

Во всякомъ случаѣ, размышляющіе люди имѣютъ причину сомнѣваться въ *мессіанизмѣ* всего *христіанства*, и, слѣдовательно, о лицѣ Іисуса, какъ *Мессіи*. Нашъ-то сифилисъ? регистрація-то домовъ терпимости? Слишкомъ малые знаки, чтобы Мессія «уже пришелъ». А войны? крестоносныя? за испанское наслѣдство? за австрійское наслѣдство? Слишкомъ малые знаки, чтобы «овца уже легла около тигра»: а между тѣмъ *именно по этому предсказанію* пророка Исаіи мы и *узнавали* Христа. «Вотъ, когда придетъ *такой*, что *это* принесетъ: то смотрите, онъ и будетъ Мессія». Мы смотримъ— и не узнаемъ!! Да и Самъ Онъ о Себѣ ничего подобнаго не предсказалъ:

«Огонь пришелъ низвести Я на землю: и какъ желалъ бы, чтобы онъ уже возгорѣлся!

«Крещеніемъ долженъ Я креститься: и какъ Я томлюсь, пока сіе совершится!

«Думаете ли вы, что Я пришелъ дать миръ землѣ? Нѣтъ, говорю вамъ, но—*раздѣленіе*.

«Ибо отнынѣ пятеро въ одномъ домѣ станутъ *раздѣляться*, трое *противъ* двухъ и двое *противъ* трехъ.

«Отецъ будетъ *противъ* сына и сынъ *противъ* отца; мать *противъ* дочери и дочь *противъ* матери; свекровь *противъ* невѣстки своей и невѣстка *противъ* свекрови своей» (Луки, XII, 49—53).

Такимъ образомъ не одна эмпирическая наличность *исторіи* Христіанства, но и самое *ученіе* Основателя его, если сопоставить его съ *предсказаніями* о Мессіи, что вотъ Онъ «льна курящагося не загаситъ» и «трости надломленной не сломитъ», и что съ пришествіемъ Его «ляжетъ овца около тигра»,—побуждаетъ многихъ начать спрашивать въ сердцѣ своемъ: «точно ли Мессіею могли быть высказаны эти предсказанія? И съ такимъ очевиднымъ выраженіемъ желанія, чтобы они исполнились»?

Самый споръ Его съ Іерусалимомъ, вращающійся около *субботы,* намъ христіанамъ кажется, будто шелъ о *филантропіи*, и что вотъ ей противились *злые евреи*; но для евреевъ того времени и до нашихъ временъ очевидно, что филантропія вовсе не входила сюда никакимъ элементомъ, ибо Его спрашивали, почему Онъ не исцѣляетъ въ *другіе дни,* въ которые, конечно, Онъ могъ бы исцѣлить; могъ бы еще филантропичнѣе исцѣлить въ пятницу или въ четвергъ. Для евреевъ ясно было, что Онъ борется противъ «почилъ Богъ отъ дѣлъ своихъ въ *седьмый день*» и «пусть никакого дѣла не творитъ человѣкъ въ *седьмой день каждой недѣли*». Врачи теперь лечатъ и въ седьмой день—и это хорошо. Но такъ ли хорошо, что и булочники пекутъ хлѣбъ въ седьмой день? И что лавочники въ лавкахъ, и мастеровые въ мастерскихъ, увы, давно лишены отдыха въ «седьмой день». Іисусъ, который могъ бы исцѣлять и по *четвергамъ* и по *средамъ*, явно боролся противъ абсолюта «праздника», и за него вступились евреи по глубокому инстинкту, что стоитъ потрясти абсолютъ чего-нибудь, какъ потрясется и вся эмпирія, на этомъ абсолютѣ построенная, т. е. что у человѣчества,—и у русскихъ, и у нѣмцевъ,—будетъ отнято въ году 52 дня

абсолютнаго отдыха. Въ этомъ случаѣ, какъ и вообще во всей концепціи евангельской исторіи, христіане наивны, какъ дѣти. «Жиды были *злы* и убили Іисуса, потому что Онъ былъ *добръ*. Но добрый Богъ наказалъ злыхъ жидовъ: а царство и жребій ихъ передалъ *намъ*, которые *добрѣе всѣхъ народовъ на землѣ*».

Тѣмъ не менѣе, всѣ предреченія Іисуса оправдались, и нѣкоторыя, какъ о гибели Іерусалима, Онъ сказалъ не какъ волю Отца своего Небеснаго, но какъ Свою волю. Предсказалъ съ подробностями столь значительными, что не остается сомнѣнія, что Онъ проницалъ въ будущее и повелѣвалъ вѣкамъ: «вотъ, оставляется *домъ* вашъ пустъ»; «камня на камнѣ не останется отъ стѣнъ сихъ», «скажутъ горамъ: падите на насъ! и холмамъ: покройте насъ!» И, наконецъ, уже приведенное мѣсто о «мечѣ и раздѣленіи», которое дѣйствительно раздираетъ христіанскую цивилизацію, какъ никакой мечъ и никакую цивилизацію. Что же это такое? Скажемъ ли мы, что это доступно было Сократу? Платону? Буддѣ, Конфуцію, Лаодзы, Магомету? Нѣтъ — нѣтъ: Іисусъ не просто выдается въ ряду ихъ, но Онъ вовсе *не есть то, что рядъ этихъ людей*. Іисусъ не человѣкъ, а Существо, и Евангеліе есть дѣйствительно сверхъестественная книга, гдѣ переданъ разсказъ о совершенно Сверхъестественномъ Существѣ, и самыя событія сверхъестественны же. При этомъ мы разумѣемъ не чудеса Іисуса, которыя могли быть апокрифичны или легендарны. Единственное и главное чудо, и притомъ уже совершенно безспорное,—есть Онъ Самъ. Даже если согласиться съ крайними скептиками, увѣряющими, что Іисуса никогда не было и что миѳъ есть самая исторія, самый сюжетъ евангельскій, то все же отсюда скептики не получатъ никакой пользы: вымы-

слить такое Лицо, со всей красотою Его образа и непостижимыми Его рѣчами, такъ же трудно, и невѣроятно, и было бы чудесно, какъ и *быть* такому Лицу. Предположимъ, что Платона никогда не было, а былъ кто-то, приписавшій ему діалоги, на которыхъ поставлено имя «Платонъ». Плохая шутка: этотъ, кто написалъ ихъ, пусть имя ему будетъ Сидоръ, а не Платонъ, и былъ онъ персъ, а не грекъ, все равно—и *былъ* какъ геній *Платонъ,* съ тѣмъ именно содержаніемъ въ головѣ, какое мы приписываемъ Платону. Вѣдь мы и все человѣчество не отъ того признали Іисуса «Сыномъ Божіимъ», что такъ *велѣли* намъ апостолы, что это *завѣщали* они намъ хранить какъ *вѣру?* но мы сами и волею своею, прочитавъ рѣчи Іисуса, прочитавъ нагорную Его проповѣдь, да и всѣ, всѣ Его реченія, восклицаемъ съ Наѳанаиломъ, которому ничего апостолы не нашептывали: «равви! ты—Сынъ Божій! Ты—царь Израилевъ». И исповѣданіе Самарянки, и исповѣданіе Никодима, и всего израилоскаго народа, устилавшаго одеждами Ему путь при входѣ въ Іерусалимъ и восклицавшаго: «благословенъ грядый во Имя Господне»—все это есть *наше* исповѣданіе, безъ всякаго подсказыванія и помимо какого либо авторитета для насъ самихъ евангелистовъ-разсказчиковъ.

И только когда эти іерусалимляне, съ пальмовыми вѣтвями встрѣтившіе Его, завопили подъ легіонами Тита, такъ удивительно точно предсказанными таинственнымъ Посѣтителемъ Земли, сердце наше испугалось, заробѣло... и все смутилось въ умѣ нашемъ.

Іисусъ человѣкомъ не былъ!
Но былъ ли Онъ Мессія?
И кто же Онъ, наконецъ?

Вотъ вопросы, которые томятъ несказаннымъ томленіемъ многія русскія сердца. И они такъ глубоки, такъ захватываютъ фундаментъ всего дѣла, что ломкій хрусталь исторически сложившихся Церквей—католической, православной, лютеранской — никакъ не можетъ не хрустнуть просто отъ самой постановки ихъ.

Европа, цивилизація европейская выросла изъ Христіанства. Даже какъ *споръ* противъ Церквей, какъ «ереси»—она выросла изъ *него же*. Высота европейской цивилизаціи показуетъ, какъ высоко было Христіанство. Во-истину, *нв человѣкъ его основалъ!* Да: но къ концу временъ выяснились необоримыя язвы цивилизаціи этой; и передъ гробомъ ея, передъ саваномъ ея позволительно спросить: *вѣчно* ли это дѣло, т. е. все-таки *Божіе*-ли *зерно* лежитъ въ основѣ ея? Священникамъ, духовенству это невразумительно: они по инерціи движутся, куда двигались, говорятъ, что̀ говорили: языки ихъ ометаллились и уже не могутъ перемѣнить своего звона. О цивилизаціи они и не болятъ, или болятъ на столько, на сколько она не принимаетъ «ихъ», критикуетъ «ихъ», не повинуется «имъ». «Мало почета *намъ*», вотъ вся ихъ скорбь объ Европѣ. Но «почета» было много въ средніе вѣка, когда имъ позволяли даже жечь людей,— и они жгли съ удовольствіемъ. Все это явно *не мессіанство*. Оставимъ ихъ. Итакъ, открылись неисцѣлимыя язвы цивилизаціи: по этому мы узнаемъ не божественность зерна въ почвѣ ея . . . .

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

. . . . настоящій пламенный исповѣдникъ, желая *повторить* это исповѣданіе, увидѣлъ бы, что оно сгораетъ въ самый моментъ выговариванія его, отъ устъ выговаривающихъ. Отъ этого выходитъ, что «впадали въ ересь» всѣ «горячо вѣровавшіе»: поразительная черта въ Христіанствѣ! Теперь оно еле держится... холодностью, равнодушіемъ! Страшное дѣло: «стойте, не шевелитесь,—*не горячитесь, главное—не горячитесь:* иначе все разсыплется»,—вотъ лозунгъ временъ, лозунгъ *религіи, Церкви!* Но если таково средство, «чтобы не погибнуть»: то не явно ли, что для «исцѣленія» уже никакого средства нѣтъ...

Окончена печатаніемъ 12 сентября 1909 года въ типографіи А. С. Суворина.

Цѣна 40 коп.

